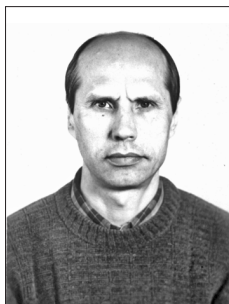

БАЛАГАНСКИЙ ОСТРОГ

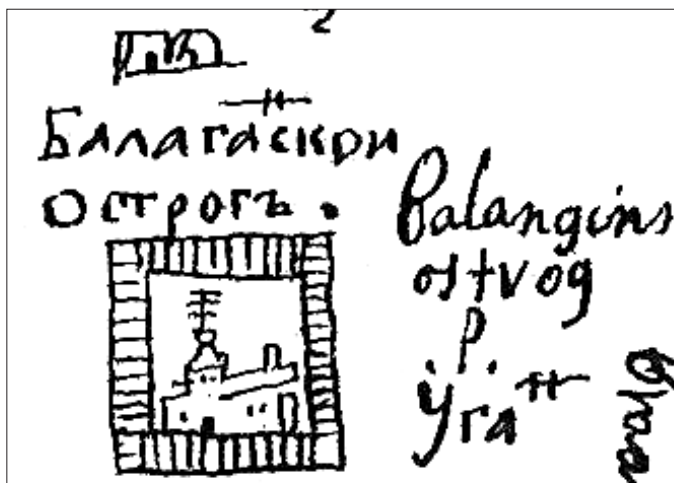

*Юрий Петрович Лыхин,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

В первой половине XVII века продвижение русских от Енисея на восток, в сторону озера Байкал, было осложнено серьезным сопротивлением «бращих людей», обитавших в верхнем течении Ангары. С целью покорения и объясачивания «немирных» бурят русские были вынуждены поставить целый ряд острогов. Первым из них стал Братский острог (1631 г.) — форпост, из которого пошло наступление на бурят. И лишь через 23 года появился Балаганский острог, строительство которого закрепило пребывание русских в Приангарье.

Однако у Балаганского острога имелся предшественник — Осинский острог. Он был построен в 1646 году енисейским сыном боярским Иваном Похабовым на середине пути от Братского острога до Байкала. Похабов был отправлен на Ангару, когда объясаченные буряты вокруг Братского острога «почали быть непослушны и государев ясак почали давать несполна». На их усмирение и «для прииску новых земли» из Енисейска и был послан отряд из 96 вооруженных людей во главе с И. Похабовым. В своей челобитной в Сибирский приказ с описанием походов 1644–1647 годов Похабов писал: «И пришел я, холоп твой, в Братцкую землю, на Ангаре реке на Осинском островку острог поставил выше братцких ясачных людей осмью дни, и те новоприискные люди аманатов и ясаку с себя тебе, государь, давать не учили, и я, холоп твой, с теми людьми бился и многих людей у них по Осе реке побили» (16, с. 134).

Осинский острог, имевший четыре башни, мерою кругом 80 сажень с полусаженью, оказался в центре враждебной территории — «среди брацких больших людей». Аманатов в нем не было, и ясак буряты в него не платили. В 1647 году, «как лед скрылся»,

Балаганский острог. Фрагмент чертежа
С. Ремезова. 1701 г.

И. Похабов отправился по Ангаре в дальнейший поход, на озеро Байкал и на реку Селенгу. В Осинском остроге он оставил 17 человек служилых (4 казака и 13 наемщиков из «охочих» людей) без толмача. Осенью того же года один казак и три казачьих наемщика бежали из острога. Остальные зазимовали там, живя впроголодь: «ели борщ и сосну и пихту дерево и помирали голодной смертью». Окружавшие острог буряты не давали им промышлять рыбной ловлей, ограничивая свободу передвижения. Весной 1648 года положение еще более ухудшилось. Сбежало еще девять наемщиков, а острог оказался фактически в осаде: «Почали братские люди к острожку приезжать и безприступно в острог из луков по них стрелять, и по борщ и по сосну и по пихту дерево, чем им кормитца, из острожку не выпускать, и от острожку братские люди беспрестанно не отъезжать почали» (13, с. 86).

В этих условиях последние четыре человека покинули острог, забрав с собой в карбасе «затинную» пищаль, 74 железных ядра и другое оружие и снаряжение. Оставшийся пустым Осинский острожек был дотла сожжен бурятами.

В ходе дальнейшей борьбы буряты вынуждены были покориться натиску русских. В 1654 году сыном боярским Дмитрием Фирсовым с енисейскими служилыми людьми практически на том же месте, где находился Осинский острог, на левом берегу Ангары в шести верстах выше устья реки Унги, возле Осинского острова был поставлен новый, Балаганский, острог. В отписке енисейско-

го воеводы Афанасия Пашкова в Сибирский приказ о постройке Балаганского острога сообщалось следующее: «В нынешнем же году, во 162 [1654] г. в мае и в июне месяцев, милостию, государь, божиею и твоим государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси счастьем, по твоему государеву указу, пришел он, Дмитрий, по Ангаре реке промеж Осинского острова и Уньги реки, розыскав самое угодное крепкое место против немирной братцкой Балаганской земли людей, поставил твой государев новой Балаганской Братцкой острог и около тово острога рвы велел выкопать и надолбы поставить и всякие острожные крепости учинил. Да к тому ж, государь, твоему государеву новому Балаганскому острогу тое большия Братцкие земли лутчих князцов Бодока да Лалага да Муруева улусу князца Инкея и их улусных людей 1 700 человек под твою государеву царскую высокую руку и к шерти привел, что им быть под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве неотступно» (16, с. 200).

Приведение других немирных бурят под «государеву царскую высокую руку» и сбор ясака с них было следующей задачей Д. Фирсова после строительства острога, к чему он немедленно и приступил: «Да они же, государь, сын боярской Дмитрией Фирсов из тово твоего государева новово Балаганского острога послал от себя служилых людей в дальные улусы тое же большия Балаганские земли по рекам по Осе и по Белой и по Иркуту и до Байкал озера и велел достальных князцов и их улусных людей по тому ж под твою государеву царскую высокую руку приводить. А в той де, государь, во всей твоей государеве новопроводной Балаганской Братцкой земле князей и их улусных людей под твоею государевою царскою высокою рукою будет больши 10 000 чел., и оприч, государь, тех братцких балаганских людей и до Байкал озера немирных земель людей не будет никою, и за помочью, государь, божиею все будут под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве неотступно <...>» (16, с. 200).

Одновременно Фирсову вменялось в обязанность поселить в новом остроге несколько десятков семей «государевых новопашенных крестьян», выбранных в Енисейском остроге «из ссыльных лутчих людей», которым пашенное дело было «за обычай». И эту задачу Фирсов выполнил: «Да к тому же, государь, твоему государеву новому Балаганскому острогу он же, сын боярской Дмитрией Фирсов, поселил твоих государевых новопашенных крестьян 30 семей, и те твои государевы крестьяне и наемные гулящие люди взорали на тебя, государя, и, аже даст бог, посеют ко 163 г. 30 десятин рожью. А в нынешнем, государь, во 162 г. послал я [Афанасий Пашков], холоп твой, из Енисейского к нему же, Дмитрию Фирсову, выбрать из ссыльных же лутчих людей 35

Герб города Балаганска, 1775 г.

семей и велел их поселить к тому ж твоему государеву новому Братцкому Балаганскому острогу и пахать на тебя, государя, и сеять рожь безо льготных лет» (16, с. 201).

Кроме посланных «в обеих посылках» 65 семей, следующую партию новопашенных крестьян енисейский воевода предполагал отправить в Балаганский острог весной 1655 года, после того как в Енисейск придут новые ссыльные из Тобольска.

Задача обзаведения пашней для первопоселенцев Балаганска была бы невыполнима

без тягловой силы. Поэтому распоряжением енисейского воеводы им были отправлены лошади, для чего пришлось искать сухопутную дорогу: «Да из Енисейского, государь, к тому же твоему государеву новому Балаганскому острогу розыскал я, холоп твой, посылкою своею сухой путь конною ездою и в нынешнем, государь, во 162 г. весною послал я, холоп твой, в тот же твой государев новый острог твоим государевым новопашенным крестьяном, которые посланы из Енисейского, в нынешнем во 162 г. твоих государевых 42 лошади» (16, с. 201–202).

Кроме того, продуманы были и другие важные моменты устройства первопоселенцев на новом месте, в частности строительство мельницы и выварка соли: «Да к нему ж, государь, Дмитрею послал я, холоп твой, для мельничного строения двоим жерновы и всякие мельничные снасти, да солончуга для соляного опыту. А от того, государь, мельничного дела прошали уговорщичи в Енисейском 500 рублей денег, что им итить из Енисейского в тот твой, государь, новой Балаганской острог и сделать твою государеву мельницу двоими жерновами. И в твоей государеве Енисейской казне денег мало и дать было им за то твое государево мельничное дело нечево, и я, холоп твой, по твоему государеву указу послал из Енисейского доброво мельника и дал ему твое государево жалованье 15 рублей денег, да твоих же государевых всяких хлебных запасов 15 чети, а велел, государь, сыну боярскому Дмитрею Фирсову к тому твоему государеву острогу на Унге реке построить твою государеву мельницу енисейскими служилыми людьми и ясашными крестьяны без найму. И на Осинском,

государь, острову велел соловару варить на тебя, государя, соль. И во 163 г. же, даст бог, весною велел взорать и посеять твоими государевыми новопашенными крестьяны и наемными людьми 60 десятин рожью» (16, с. 201).

Помимо соли в окрестностях острога нашлись и залежи железной руды, которые с давних времен разрабатывались бурятами. В связи с этим в 1655 году из Енисейска в Балаганский острог были посланы плавильщик и кузнец, «кои свою работу с добрым успехом производили» (21, с. 542).

Так началась история Балаганского острога, подчинявшегося в первоначальный период Енисейскому воеводству. Название же новый острог получил по имени обитавшего в тех местах бурятского племени булагатов (21, с. 540–541; 12, с. 23). Поскольку по Ангаре в бурятских землях было поставлено два острога, сначала новое укрепление часто называлось Верхним Братским Балаганским острогом в отличие от Нижнего Братского.

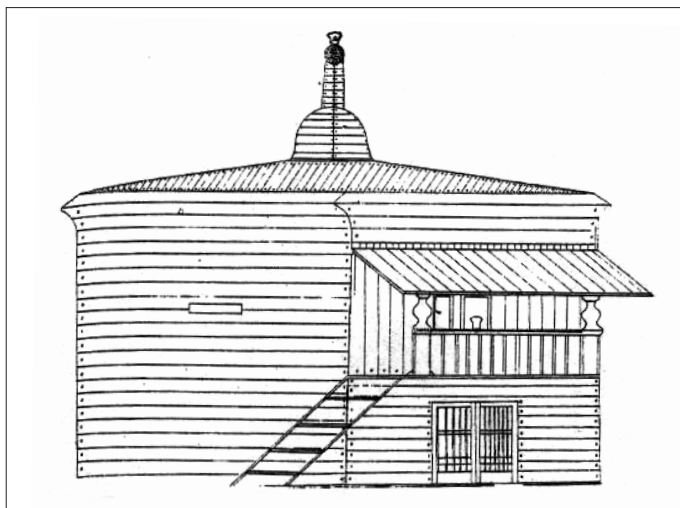
В первые годы существования Балаганского острога отношения между русскими и местным коренным населением оставались весьма непростыми и порой доходили до прямых столкновений. Наиболее сильно это проявилось в то время, когда в 1657 году «в Братские в Нижней и в Верхней Балаганской остроги» на службу для «ясачного збору и прииску и приводу новых немирных земель людей» (16, с. 219) во главе 100 служилых людей был послан Иван Похабов. Служба И. Похабова, имевшего, как писалось в документах того времени, «сердитый нрав», отличалась жестокими притеснениями всего местного населения (не исключая служилых и новопашенных крестьян). Вот что сообщалось, например, в челобитной ясачных бурят, поданной в 1658 году в Енисейск о злоупотреблениях Похабова: «...тот Иван Похабов чинил нам великие обиды и всякие насильства и во всем изгоняет и утесняет и жен наших и детей емлет к себе на постелью сильно для блуда и нас ясачных иноземцов бьет и мучит и животы наши грабит и всякими ж страстями угрожает, а как мы с тою боязни принесем к нему, Ивану, <...> соболи и бобры и лисицы добрые и черные, и тот Иван те соболи и бобры и лисицы, похвата у нас нечесно, мечет под порог, а говорит нам: С чем де вы ко мне пришли на поклон и кому те соболи или лисицы годны? Приезжайте де вы ко мне с женами своими и везите де соболей по десяти, а перед де сего наша братья приезжали к вам хуже меня и вы де им приносили на поклон соболей по сороку и больше, а соболей де вы прежде меня отнюдь никому служилым и иным никаким людям не продавайте. А которые лисицы мы, иноземцы, приносили платить в твою государеву казну ясаком и тех Иван, приметався к нам без-

дельным умыслом, и те лисицы у нас имал себе в корысть, а не в твою государеву казну» (16, с. 213).

И два века спустя сохранялись в памяти народа воспоминания о том, как страшный хан Багаба (Похабов) «мыл водою», то есть крестил обьясаченных бурят. Для казаков это было своеобразной потехой. Просекали во льду Ангары прорубь, к которой сгонялись толпы бурят. Казаки связывали их по два-три человека вместе, прикрепляли эту вязанку к середине длинной жерди, брались за концы и по команде трижды погружали людей в ледяную воду (18, с. 180).

Многочисленные злоупотребления И. Похабова и его ближайшего окружения, их алчность, вымогательства и жестокость привели бурят к восстанию и к перекочевке в «Мунгальскую землю»: «...во 166 [1658] г. в июне месяце Братцких Нижнево и Верхнево Балаганского острогов князцы и своими улусными людьми тебе великому государю изменили и от братцких острогов прочь откочевали в Мунгалы и толмача Ивашка Байкала да служилого человека Якимка Васильева убили, а иных ранили и ясаку с себя тебе великому государю впредь платить не хотят, и он де, Иван [Похабов], от братцких людей сидит в осаде» (16, с. 219–220).

Массовое бегство балаганских бурят продолжилось и в 1659 году. Позже стало известно, что они «отбежали» за Байкал на Се-

*Башня Балаганского острога.
Чертеж А.Е. Разгильдеева. 1870 г.*

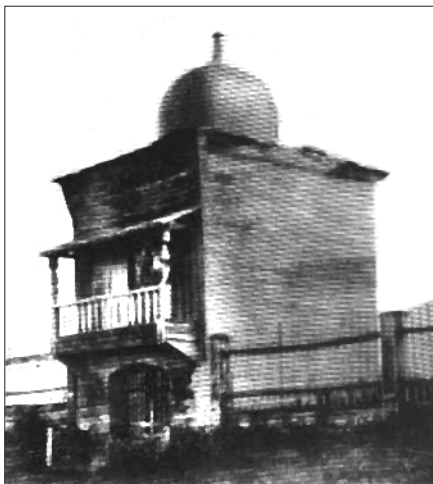
ленгу, в район устья Чикоя. Степь у Балаганского острога опустела, ясак собирать стало не с кого. Балаганск почти лишился ясачного дохода, хотя прежде в нем собиралось более 20 сороков соболей ежегодно (21, с. 543).

В результате этих событий распоряжением енисейского воеводы Максима Ртищева Похабов был смещен со своей должности управителя Братских острогов: «И я, холоп твой, по твоему великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии само-

держца указу и по челобитью енисейских служилых людей и братцких ясачных князцей и их улусных людей и пашенных крестьян, послал из Енисейского в те твои великого государя Братцкие остроги на перемену Ивану Похабову енисейских детей боярских Якова Тургенева да Ивана Максимова да с ними енисейских служилых людей 150 чел. и велел им, прося у бога милости, Братцкие остроги из осады выручить и пашенных крестьян сберечь и братцких князцей и их улусных людей под твою великого государя царскую высокую руку в вечное холопство и в ясачной платеж по-прежнему привести и вновь немирных и неясачных братцких людей призывать ласкою и приветом» (16, с. 220).

Военное значение Балаганского острога продолжало сохраняться и после этих событий. Известно, что летом 1668 года Балаганскому и Верхоленскому острогам грозило нападение монгольского Сенгун-тайши «с большими воинскими людьми», пришедшими «из за Камени» (из-за Саян). Годом раньше его же люди приходили «войною под Красноярской острог, и служилых людей побили и деревни повоевали» (7, с. 380). Однако чем закончилось дело на сей раз, осталось неизвестно.

К 1675 году относится весьма краткое описание Балаганского острога, сделанное русским послом в Китай Николаем Спафарием. В своих путевых заметках по Сибири он писал: «На правой стороне (по направлению пути Спафария. — Ю. Л.) острог Балаганской. А стоит при берегу реки Ангары. А служилых людей,

**Башня Балаганского острога.
Фото П.П. Хороших, 1925 г.**

казаков с 20 человек, да два двора пашенных крестьян. А церкви в остроге нет. А острог зело мал.

Да в Балаганском же остроге взяты во аманаты из лутчих людей из Тунгусов и из Братов по 2 человека для того, чтоб Великому Государю Тунгусы и Браты не изменили.

А против острога, на левой стороне степь» (15, с. 112).

В самом остроге, как указал Спафарий, находилось лишь два двора пашенных крестьян. Основная же масса крестьян, естественно, расселилась за стенами острога и на противоположному берегу Ангары, где в нее впадала река Уда — «по ней живут пашенные крестьяне и брацких юрт много» (15, с. 111).

В 1686 году Балаганский острог был выведен из подчинения Енисейску и приписан к Иркутску, который, став центром самостоятельного воеводства, получил статус города (10, с. 18–19).

В начале 1734 года в Балаганском остроге побывал участник Второй Камчатской экспедиции И.Г. Гмелин, который записал в своем дневнике: «Этот острог еще до постройки Иркутска был заложен в виде четырехугольника... В нем имеется канцелярия, дом приказчика, несколько хижин, церковь и две металлических пушки. Вне острога в сторону суши имеется около 60 домов, заселенных отчасти служивыми, отчасти купцами; и это довольно видные дома с высокими окнами и светлыми комнатами. Купцы имеют хороший достаток. Так как летом многие купцы прибывают сюда по пути в Иркутск, недалеко от реки построен дом, где несколько лавок, которые, однако, сейчас заперты и их открывают только тогда, когда проезжающие купцы хотят торговать» (8, с. 159).

В 1775 году в ходе нового административного устройства Сибири Балаганский острог получил статус города в Иркутском наместничестве, с учреждением в нем воеводской канцелярии. 13 марта 1777 года был утвержден герб города Балаганска. Он представлял собой «щит, разрезанный горизонтальною чертою надвое, верхняя часть золотая, с выходящим до половины российским императорским двоеглавым орлом, увенчанным тремя золотыми коронами; нижняя часть [зеленая] с тремя [треугольными] шляпами, каковые братския носят, изъявляя сим полевое обитание окружных жителей и что тут собирали с ясашных подать» (14, с. 76; 6, с. 139).

В 1775 году история Балаганского острога как населенного пункта заканчивается и начинается история города Балаганска. Острог же как фортификационное сооружение хотя и продолжает еще сохраняться, но дальнейшее его существование — это история постепенного разрушения под воздействием неумолимого времени.

Суммируя известные на сегодня описания того, как выглядел Балаганский острог, сказать можно совсем немного. Стоявший на самом берегу Ангары острог был очень небольшим по размерам («зело мал»). Четырехугольный в плане, он имел «всякие острожные крепости» (палисад и башни?), был окопан рвами и укреплен надолбами. Вот, собственно, и все.

Не сильно проясняет вид острога и «Чертежная книга Сибири» Семена Ремезова (1701 г.). Схематичное изображение Балаганского острога, выполненное на чертеже земли Енисейского города, представляет его в виде квадратной замкнутой ограды, без башен, с единственной постройкой внутри стен — церковью* (22, л. 14).

В результате сегодня мы не можем сказать даже, сколько башен было в остроге.

В последней четверти XVII века военное значение Балаганского острога еще продолжало сохраняться, однако в XVIII веке оно было совершенно утеряно. Более того, построенный в середине столетия Московский почтовый тракт оставил Балаганск в стороне от магистрального пути, а это отрицательно сказалось на дальнейшем развитии острога и, после, города. К 1792 году Балаганский острог утратил палисад, которым был когда-то обнесен. В «Описании Иркутского наместничества» отмечалось, что его «ныне почти совсем неприметно» (14, с. 76). А к 1870-м годам от острога осталась одна «старая башня в виде четырехугольного сруба с подъездом (проездом? — Ю. Л.) и с отверстиями для стрельбы» (17, с. 49).

Еще до 1870 года бывшая проезжая острожная башня была в какой-то степени перестроена, обшита тесом (это видно на чертеже, выполненном в 1870 г. архитектором А.Е. Разгильдеевым) (1, л. 245) и включена в ограду двухэтажной каменной Балаганской Спасской церкви (с 1872 г. — собор). Имея проход внизу, башня превратилась в церковные ворота, находящиеся с восточной стороны от храма (1, л. 242; 11, с. 5). С уличной стороны над воротами, на втором ярусе башни, находилась старинная икона Христа Спасителя «с благословляющей правой рукой и с раскрытым Евангелием в левой», которая, по преданию, была принесена в Балаганск первыми казаками (1, л. 242 об.; 2, л. 19; 9, с. 99). По обеим сторонам иконы располагались скульптурные изображения ангелов (2, л. 19). В результате всего этого башня стала выполнять роль надвратной часовни у собора, что, впрочем, несколько

* Когда была построена первая Балаганская Спасская церковь, точно неизвестно. В 1675 г., во время пребывания в Балаганске Спафария, ее еще не было, но в 1690 г. она уже стояла в остроге (20, с. 518).

не противоречило одной из ее исторических функций. Согласно известным изображениям Балаганской башни над ее проходом изначально располагался выступающий консольный балкончик на всю ширину башенной стены. Такие балконы устраивались казаками-первопроходцами с внешней стороны острожных проезжих башен и имели как оборонное назначение, так и культовое. Помещенная над воротами в острог икона, своей святостью оберегавшая укрепление от врагов, превращала балкон в часовню «на свесе». Подобные часовни до возведения настоящих церквей в острогах служили местом отправления духовных надобностей первопоселенцев.

Во второй половине XIX века башня являлась уже столь древним памятником, что в памяти народной стало стираться ее первоначальное назначение. Автор выполненного в 1870 году «Описания памятников древности, находящихся в Иркутской губернии» оперировал двумя разными, исключавшими друг друга, народными преданиями о Балаганской башне. Первое из них гласило, что она была построена боярским сыном Дмитрием Фирсовым с казаками, воевавшими с бурятами. Однако эта версия вызывала у автора сильное сомнение: «означенная башня, по своему устройству, не могла служить никакою защитой во время военных действий». Более вероятным признавалось другое предание, свидетельствовавшее о том, что «башня эта построена на месте сгоревшей деревянной церкви» (1, л. 242 об.).

С этим мнением был готов согласиться и никогда не видевший Балаганскую башню Н.В. Султанов, опубликовавший в 1907 году работу об Якутском остроге и рассматривавший другие сохранившиеся к XX веку памятники острожного строительства в Сибири. В то же время он признавал, что «часовня эта действительно очень похожа на нижнюю часть острожной башни, но во всяком случае крайне пострадала от перестройки» (19, с. 150). Однако те из современников, кто в действительности видел и внимательно рассматривал Балаганскую башню (П.А. Ровинский, иеромонах Мелетий, В.И. Вагин), не сомневались в принадлежности ее к острогу (17, с. 49; 11, с. 5; 2, л. 18 об.–19).

С превращением острожной башни в церковные ворота ее судьба оказалась связана с судьбой Балаганского собора, памятника архитектуры конца XVIII века. В первые годы советской власти, в 1925 году, было принято постановление Иркутского губисполкома об учете и охране памятников старины, искусства и природы (3, л. 103–103 об.). В список из 52 подлежащих охране памятников был включен и Балаганский Спасский собор (4, л. 3). Как раз к этому времени относится фотография Балаганской башни, сделанная П.П. Хороших. Однако внесение в список памятни-

ков не спасло Спасский собор от гибели, в 1932 году он был разрушен до основания (5, л. 19). Надо думать, что тогда же вместе с собором были разрушены и церковные ворота.

Вскоре после гибели Балаганского собора и последнего остатка острога закончилось существование на первоначальном месте самого Балаганска. Во второй половине 1950-х годов в связи со строительством Братской ГЭС и заполнением водохранилища Балаганск был перенесен на 45 километров вниз по Ангаре. Ныне на бывшее место расположения Балаганского острога, скрытое водами рукотворного моря, указывает лишь село Малышевка, находившееся на противоположном от старого Балаганска берегу Ангары.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 9. Циркуляры Министерств внутренних дел и путей сообщения... Описание памятников древности, находящихся в Иркутской губернии, с приложением чертежей. 1869–1872 гг.

2. ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 28. Вагин В.И. Приангарские впечатления. Путевые заметки. 1886 г.

3. ГАИО. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 766. Постановления Иркгубисполкома. 1925 г.

4. ГАИО. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 768. Постановления Иркгубисполкома об учете и охране памятников старины, искусства и природы. 1925 г.

5. ГАИО. Ф. р-3161. Оп. 1. Д. 1а. Материалы по охране памятников архитектуры. 1944–1946 гг.

6. Борисов И.В., Козина Е.Н. Геральдика России. М.: АСТ: Астрель, 2006.

7. Дополнения к Актам историческим. СПб., 1853. Т. 5.

8. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.

9. Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1913. Вып. 50.

10. Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск: Очерки по истории города. Иркутск, 1971.

11. Мелетий. Первое архипастырское и миссионерское путешествие Преосвященнейшего Вениамина, епископа Иркутского и Нерчинского, по Ангаре и ее притокам // Труды православных миссий Иркутской епархии. Иркутск, 1885. Т. 3.

12. Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1969.

13. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов XVII–XVIII вв. Л., 1937.
14. Описание Иркутского наместничества 1792 г. Новосибирск, 1988.
15. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб., 1882.
16. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1960.
17. Сообщение г. Ровинского о поездке его по Ангаре и Лене // Известия СОИРГО (Иркутск, 1871). Т. 2. № 3.
18. Стуков. О происхождении северо-байкальских бурят вообще и тункинцев в особенности. (По чисто народным легендарным преданиям) // Памятная книжка Иркутской губернии 1881 г. Иркутск, 1881. Отд. II.
19. Султанов Н.В. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1907. Вып. 24.
20. Фивейский. Краткие сведения о возникновении Балаганска и открытии в нем самостоятельного прихода // Иркутские епархиальные ведомости. 1908. 15 сентября (№ 18).
21. Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
22. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.